

Травня, - 1991, - 11 апр. - с. 3

Однажды на углу Невского

В ТО ВРЕМЯ имя Есенина почти не сходило со страниц лучшего ежемесечного журнала «Красная новь». Государственное издательство выпустило в свет «Избранное». В книжных магазинах продавался первый том «Собрания стихов и поэм», отпечатанный с пометой «Берлин; Петербург; Москва» известным издателем Гржебиным. В зале имени Лассалы состоялось первое в Ленинграде после возвращения из-за границы выступление поэта. «Вечер прошел изумительно. Меня чуть не разорвали», — сообщал он московскому другу.

У Грина литературные дела тоже складывались благополучно. Появилось отдельное издание феерии «Алые паруса». Журнал «Красная нива» опубликовал роман «Блестящий мир». Началась работа над «Золотой цепью». «Тонкие» журналы нарахвата брали его причудливо-фантасматические, но рожденные на жизненной основе увлекательные рассказы.

День был солнечный, хотя и ветреный. Город жил своей обычной жизнью. Рабочие часы еще не кончились, и на Невском прохожих было немного. На писателей никто не обращал внимания, и они о чем-то тихо беседовали. Вдруг Есенин захохотал и воскликнул:

— «Эх ты... лебедь!» Это ж чудесно!

Грин, слывший в писательской среде человеком неразговорчивым и грубоватым, улыбнулся...

Обо всем этом морозным декабрьским днем 1957 года рассказал мне Всеволод Александрович Рождественский, поэт божьей милостью, человек высокой культуры и обширных знаний. Коренной петербуржец, он чувствовал себя в родном городе как в своей обжитой квартире. Каждый дом, каждую улицу читал словно интереснейшую книгу, и ее главные страницы были отданы писателям прошлого и настоящего.

Рассказывая о литераторах, посещавших Дом книги, где в двадцатые годы помещалось Ленинградское отделение Госиздата, Рождественский назвал среди других имена Есенина и Грина. А когда мы поравнялись с памятным зданием, он сказал:

Встретились знаменитые русские литераторы

Это было в Ленинграде весной 1924 года. Чуть в стороне от входных дверей в Дом книги, что на углу Невского проспекта и канала Грибоедова, стояли и разговаривали Сергей Александрович Есенин и Александр Степанович Грин.

— Мы шли с Грином и встретили Есенина у дверей. Остановились, поздоровались. И тут появился молодой поэт Николай Браун, отозвал меня в сторону — поскретничать. Так что всего разговора Есенина с Грином я не слышал. Но возглас Есенина: «Эх ты... лебедь!» прозвучал отчетливо. Потом Есенин пошел в Госиздат, а мы — ко мне домой. Тем дело и кончилось. Что это был за лебедь, так и осталось для меня загадкой...

В гостинице я сделал краткую запись об этом эпизоде в своем блокноте, и она долго оставалась, как говорится, невостребованной.

Но вот в мои руки попала третья книга шеститомника Александра Грина, изданного в 1980 году. Читая страницу за страницей, я дошел до рассказа под названием «Лебедь». Заглянул в примечания, узнал, что впервые он опубликован в четырнадцатом номере журнала «Неделя «Современного слова» за 1908 год. Не стоит говорить, что читал я рассказ с особым интересом. Конечно, излагать художественное произведение — занятие не всегда благодарное, но здесь без этого не обойтись.

...У спокойного зеленоватого

пруда доживала свой век старая, почерневшая мельница. Летом в камышах и на воде гомонили зобастые дупеля, кулики-перевозчики, чайки, дикие и домашние утки. Изредка прилетали лебеди. Строгие и задумчивые, жили они отдельно гордой и прекрасной жизнью. Когда они появлялись на просторе и заявляли о себе звуками, похожими на звуки невидимого кларнета, у ветхой избушки можно было видеть жилистую сутуловатую фигуру мельника: он смотрел, как плавали лебеди...

На этом же озере любил удить рыбу лавочник Сидор Иванович. Торговля его шла слабо, мечта Сидора Ивановича выбиться в купцы оставалась недостижимой, и он от скуки бил жену и ходил за город, на озеро. Уженье ему напоминало торговлю: даешь мало, а получаешь много. «Насадить червячка, да и то не целого», — рассуждал он, — а поймашь целого ерша, да еще и червяк не съеден! Лавочник был злым: вместе с крючком всегда старался вырвать у рыбы внутренности.

Как-то у Сидора Ивановича кончился запас червей, и он пошел на их поиски. Неподалеку от берега вился сизый дымок,

звенела посуда, слышались неясные голоса, смех.

— Чай пьют. Городская шваль... — ворчал лавочник. Бросив взгляд в просвет береговой заросли, он увидел уединившуюся парочку. Молодые люди смотрели на озеро.

— Как он тихо плавает, — говорила девушка. — Он очень симпатичный. Его белизна — живая, красивая.

И тут живописное слово Грина претает во всей своей трепетности.

«Пруд был так спокоен и чист, что казалось, будто плывут два лебедя: один под водой, а другой сверху, крепко прильнув белой грудью к нижнему своему двойнику. Но двойник был бледнее и призрачнее, а верхний отчетливо белел плавной округлостью снежных контуров на фоне бархатной зелени. Все его обточенное тело плавно скользило вперед, едва колыхая жидкое стекло засыпающего пруда.

Шея его лежала на спине, а голова протянулась параллельно воде, маленькая гордая голова птицы. Он был спокоен».

Чудесная картина! Это проза? Нет, это поэзия, гимн гармонии и красоте. И как близка она к

есенинскому: «Выплывала, словно зорюшка, белоснежная лебедушка» или «По пруду лебедем красным плавают тихий закат».

Плыл лебедь — чистое, совершенное творение природы. И, наверное, старый мельник зачарованно наблюдал за его скольжением.

Иное было на уме у лавочника.

— Никак лебедь прилетел, — подумал он. — Вот мельник дурак, еще ружьем балуется: шкура — пять рублей!

Еще больше обозлило Сидора Ивановича напоминание девушки о том, как лебеди умирают: летят вверх насколько хватает сил, поют свою последнюю песню, потом складывают крылья, падают и разбиваются.

Лавочник наконец не выдержал:

— Этого лебедя завтра пристрелить ежели. Дома ружьишко зря болтается. Эх! Знатное жаркое...

Молодые люди ушли, обзав лавочника дураком. Он побагровел и задохнулся от бешенства.

В тишине вечерняя прелесть стлала над водой короткие тени. И плыл лебедь...

Черствость и душевность, зло и добро, мерзость и чистота сошлись в рассказе Грина, и засветилось истинной красотой все человеческое, благородное, не приобретаемое ни за какие червонцы. Как и Есенин, Грин был одержим мечтой о прекрасном, ему, как и Есенину, был ненавистен мир чистогана, духовного убожества.

...Последняя страница рассказа. Сидор Иванович ночью видел сон, что он убил лебедя и съел. Проснувшись, он вспомнил отвратительный вчерашний день тех господчиков и, сплонув, повернулся к жене. Она спала, и в рылом рябом лице лежала сытая скука.

Заключительный эпизод, а по нему и весь рассказ, можно предположить, и вспомнил Есенин в разговоре с Грином у ленинградского Дома книги весной 1924 года.

Лавочник «поднял одеяло и, плотоядно ущипнув супругу за жирный бок, сказал:

— Эх ты... лебедь! Ну вставай, что ли!»

Сергей КОШЕЧКИН.